

© 1995 г. В.И. ПОДЛЕССКАЯ

ИМПЛИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Термин "импликативные конструкции" используется в данной работе для обозначения полипредикативных конструкций, компоненты которых связаны логическим отношением импликативного типа*. Импликативные конструкции вводят два положения дел, таких что одно положение дел сопровождается другим или приводит к нему (я использую терминологию, предложенную в [Левин 1970], ср. также термин "отношение сопутствования", предложенный в [Гладкий 1982]). К импликативным конструкциям относятся, в частности, условные, причинные, целевые и уступительные конструкции.

Описывая семантику импликативной конструкции в конкретном языке, необходимо дать ответ, по крайней мере, на следующие вопросы:

1. В прошлом, настоящем или будущем имеет место положение дел, описываемое компонентами конструкции? (Назовем этот параметр "темпоративным статусом".)
2. Описывает ли конструкция отношение между двумя уникальными (единичными) положениями дел или регулярное (повторяющееся, кратное) отношение? (Назовем этот параметр "фреквентативным статусом".)
3. Соотносится ли положение дел, описываемое компонентами конструкции, с реальным или с воображаемым миром? (Назовем этот параметр "эпистемическим статусом".)

Перечисленные три статуса полипредикативных конструкций импликативного типа неоднократно рассматривались в качестве параметров типологической классификации (см., например [Baker 1956; Comrie 1986; König, Van der Auwera 1988; Van der Auwera 1983]; из самых последних работ особого внимания заслуживают [Храковский 1994] и [Givón 1994], а также [Bybee, Fleischman 1995]). Особенно интенсивно обсуждается содержание третьего параметра – эпистемического статуса. Остановимся на этом параметре более подробно.

Эпистемический статус импликативных конструкций часто описывается в терминах истинностных значений. Так, различие между причинными, обычными условными и контрфактивными условными конструкциями может быть выражено в терминах истинностного значения посылки (протазиса). В причинных конструкциях посылка истинна (*Так как мы вышли пораньше, мы успели на поезд [мы вышли пораньше]*). В контрфактивных условных конструкциях посылка ложна (*Если бы мы вышли пораньше, мы бы успели на поезд [мы не вышли пораньше]*). В обычных условных конструкциях истинность посылки не определена (*Если мы выйдем пораньше, мы успеем на поезд [неизвестно, выйдем мы пораньше или нет]*).

При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что в некоторых "бесспорных" причинных конструкциях посылка не является истинной. Таковы, например,

* Первоначальная версия публикуемой работы представляла собой доклад, прочитанный на преинаугурационной сессии Типологической Ассоциации (ALT) в ноябре 1994 г. в Констанце. Пользуюсь случаем, чтобы выразить искреннюю признательность участникам сессии, и в первую очередь, проф. Й. Ван дер Аувере за заинтересованное обсуждение и проницательные замечания. Исследование осуществлялось при финансовой поддержке Института Открытого Общества (грант RSS) и РФФИ.

причинные предложения, в которых протазис описывает положение дел в будущем. В предложении

(1) *Так как завтра я приду с работы поздно, я не смогу принять гостей*
истинностное значение протазиса [*завтра я приду с работы поздно*] не определено, поскольку высказывание о будущем не может быть ни истинным, ни ложным. Между тем, любому носителю русского языка очевидна разница между *так как завтра я приду с работы поздно* и *если завтра я приду с работы поздно*. В первом случае (причина) говорящий ЗНАЕТ, что он придет поздно, а во втором (условие) он этого НЕ ЗНАЕТ. Знание о будущем возможно в тех случаях, когда речь идет о запланированных событиях или о событиях, повторяющихся с известной закономерностью, иначе говоря – о событиях, которые в рамках заданной картины мира должны непременно произойти (ср. понятие "субъективная истинность", детально рассмотренное в работах [Дмитровская 1988; Зализняк Анна А. 1985; 1987]). Именно знание говорящего о событиях, предстоящих в будущем, позволяет употреблять причинные, а также временные и уступительные конструкции не только в речи о прошлом и настоящем, но и в высказываниях о будущем, когда логическая истинность суждения не может быть установлена. Признак "известность/неизвестность для говорящего" позволяет, например, в речи о будущем различать уступительные и условно-уступительные предложения. Ср.:

(2) *Хотя завтра я приду с работы поздно, я смогу принять гостей,*

где говорящий ЗНАЕТ, что придет поздно (уступительная конструкция), и

(3) *Даже если завтра я приду с работы поздно, я смогу принять гостей,*

где говорящий НЕ ЗНАЕТ придет ли он поздно (условно-уступительная конструкция).

Учитывая сказанное, мне представляется более плодотворным определять эпистемический статус имплицативных конструкций не на базе истинностных значений компонентов конструкции, а на базе прагматического критерия известности ситуации для говорящего. Этот прагматический критерий позволяет выделять в составе имплицативных конструкций компоненты следующих трех типов:

(1) РЕАЛЬНЫЕ – говорящий знает, что обозначаемая ситуация имеет (имела/будет иметь) место;

(2) КОНТРАФАКТИВНЫЕ – говорящий знает, что обозначаемая ситуация не имеет (не имела/не будет иметь) место;

(3) ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ – говорящий не знает, имеет ли (имела ли/будет ли иметь) место обозначаемая ситуация.

Итак, с соответствующими уточнениями, мы имеем для имплицативных конструкций три основных классифицирующих критерия: темпоративный статус, фреквентативный статус и эпистемический статус. Теоретически эти критерии являются независимыми, что позволяет наглядно характеризовать отдельные классы имплицативных конструкций с помощью следующей пространственной модели:

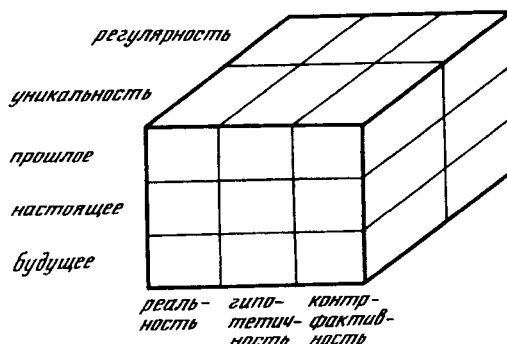

Рис. 1

Лексико-грамматические средства отдельных языков позволяют по-разному членить имплицативное пространство. В одних языках уникальные и регулярные имплицативные отношения маркируются разными средствами, в других это противопоставление снимается. В одних языках контрфактивные конструкции возможны только в речи о прошлом, в других они могут иметь любой темпоративный статус. В принципе, любой кусок "имплицативного пирога" может быть грамматикализован в том или ином языке. Тем не менее оказывается, что те или иные комбинации параметров грамматикализуются чаще других и более естественным образом. Например, как было убедительно показано в [Храковский 1994; Givón 1994; Comrie 1985] и ряде других работ, во многих языках существует устойчивая корреляция между эпистемическим и темпоративным статусом: будущие события чаще маркируются как гипотетические, в то время как для маркировки контрфактивности используются преимущественно показатели прошедшего времени.

Задача типологического исследования полипредикативных конструкций имплицативного типа состоит в том, чтобы, во-первых, выявить, какие комбинации параметров оказываются наиболее предпочтительными при грамматикализации, и, во-вторых, дать функциональное объяснение тому или иному предпочтению. Шаг в этом направлении я попытаюсь сделать в настоящей статье, материалом для которой послужили имплицативные конструкции в русском и японском языках.

Разумеется, речь идет только о параметрах собственно семантической классификации имплицативных конструкций. Многие другие аспекты их описания остаются за рамками работы. Так, не будем касаться ни противопоставления иллокутивных и неиллокутивных средств выражения импликации, ни степени связанности компонентов конструкции (эти вопросы изящно трактуются, например, в [Иорданская 1988]).

1. СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ОБОЗНАЧЕНИЯ КОНТРАФАКТИВНОСТИ

Прототипическим средством выражения контрфактивности в русском языке является сослагательное наклонение, образующееся путем присоединения частицы *бы* к форме прошедшего времени индикатива. Несмотря на материальное сходство с формой прошедшего времени, форма сослагательного наклонения может обозначать положение дел не только в прошлом, но также в настоящем и будущем. Так, приводимые ниже три варианта протазиса имплицативной конструкции различаются лишь временным наречием, а не формой предиката:

(4) *Если бы она была вчера здесь...*

(5) *Если бы она была сейчас здесь...*

(6) *Если бы она была завтра здесь...*

Однако определенная зависимость между эпистемическим и темпоральным статусом таких конструкций все же имеется. Выражение контрфактивности с помощью сослагательного наклонения в речи о будущем либо существенно затруднено, либо вообще невозможно. Вне контекста имплицативные конструкции с протазисом типа (6) – вводящим положение дел в будущем и маркированным сослагательным наклонением – получают не контрфактивную, а гипотетическую интерпретацию с дополнительным оттенком желательности. Так, предложение

(7) *Если бы она была завтра здесь, мы бы обо всем договорились.*

интерпретируется как "Я не знаю, будет ли она завтра здесь, но я этого хочу". Добиться контрфактивной интерпретации можно лишь с помощью агрессивного контекста – языкового и/или ситуативного. Например, в ситуации, когда ваш знакомый приехал на день раньше, чем вы договаривались, вы можете сказать:

(8) *Зачем ты приехал сегодня?! Если бы ты приехал завтра, я бы занялся твоими делами, а сегодня у меня совсем нет времени.*

Все сказанное в равной мере относится и к конструкциям, обозначающим уникальное отношение, и к конструкциям, обозначающим регулярное отношение.

ср.: *если бы ты пришел сюда завтра... и если бы ты мог приходить сюда каждый день...*

Таким образом, в русском языке полипредикативные конструкции с сослагательным наклонением в протазисе "отвечают" за следующие компоненты имплицативного пространства:

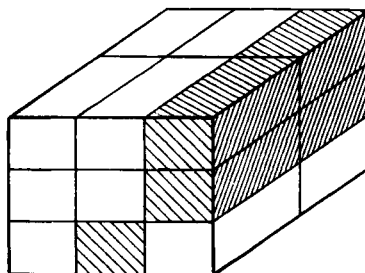

Рис. 2

Рассмотренные конструкции служат хорошей иллюстрацией к универсалии, сформулированной в [Givón 1994: 319]: "Если в языке некоторая форма индикатива используется как форма сослагательного наклонения для обозначения не вполне достоверных событий, то эта же форма используется и в контрфактивных предложениях (обратное не обязательно верно)".

Действительно, в русском языке индикативная форма прошедшего времени используется в составе формы сослагательного наклонения для обозначения возможных и желательных событий. Как мы убедились выше, эта же форма в составе формы сослагательного наклонения используется и в контрфактивном значении.

2. ЕСЛИ БЫ НЕ ТЫ... и ПРИДИ ОН РАНЬШЕ...

Б. Комри в [Comrie 1986 : 89] утверждает, что в естественных языках отсутствуют "чистые" контрфактивы. Действительно, в большинстве языков прототипические средства выражения контрфактивности могут использоваться также и в других функциях. Типичным примером могут служить рассмотренные в разделе 1 русские имплицативные конструкции с сослагательным наклонением в протазисе: в речи о будущем они утрачивают контрфактивное значение и приобретают гипотетическое. И все же, представляется слишком сильным утверждение о том, что не существует лексико-грамматических средств, которые маркировали бы исключительно контрфактив. Рассмотрим две конструкции в русском языке, которые могут претендовать на звание "чистого" контрфактива: одна – безусловно, а другая – как мы увидим, с некоторыми оговорками.

Сначала рассмотрим конструкцию типа *если бы не х...*, состоящую из условного союза *если*, частиц *бы*, *не* и именной группы в именительном падеже. Значение этой конструкции можно сформулировать следующим образом: "если бы не имела место ситуация, участником которой является *х*, тогда...". Конструкция может употребляться т о л ь к о если говорящий знает, что ситуация, участником которой является *х*, имела (имеет/будет иметь) место. Конструкция сохраняет контрфактивное значение как в речи о прошлом, так и в речи о будущем, ср. два следующих предложения:

(9) *Я бы приехал две недели назад, если бы не моя лекция в прошлый понедельник.*

(10) *Я бы приехал на следующей неделе, если бы не моя завтрашняя лекция.*

Таким образом, конструкцию *если бы не х* следует признать чистым контрфактивом, что может быть отражено графически на схеме имплицативного пространства:

Другой кандидат в чистые контрфактивы – нефинитная, неспрягаемая глагольная форма, омонимичная форме императива 2-го лица ед. числа (о синтаксических

особенностях этой формы и, в частности, о ее способности, в отличие от других русских нефинитных форм, иметь собственное подлежащее см. [Черемисина 1987 : 14–15]). Псевдо-императивы, также как и конструкция *если бы не х*, сохраняют контрфактивную интерпретацию независимо от темпоративного и фреквентативного статуса высказывания, ср. следующие три примера, которые различаются только временным наречием:

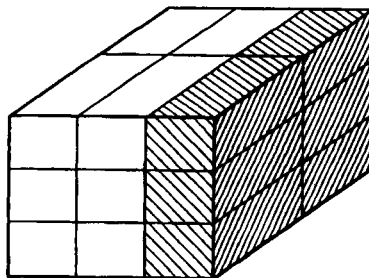

Рис. 3

- (11) *Будь она вчера здесь...*
- (12) *Будь она сегодня здесь...*
- (13) *Будь она завтра здесь...*

Некоторые носители русского языка, однако, считают, что в речи о будущем псевдо-императивы не полностью контрфактивны, т.е. что, например, предложение

- (14) *Вернись Иван завтра, она бы все ему простила*

можно употребить и в тех случаях, когда говорящий не полностью исключает возможность, что "Иван завтра вернется" (на это обстоятельство обратила мое внимание М. Копчевская-Тамм). Тем не менее, даже самые придирчивые информанты согласны, что псевдо-императивы возможны лишь в тех случаях, когда говорящий либо может влиять на обозначаемую ситуацию, либо имеет возможность оценить степень ее вероятности. Так, приводимое ниже предложение неправильно, какую бы интерпретацию мы ни пытались дать псевдо-императиву – гипотетическую или контрфактивную, поскольку человеку не дано предвидеть выпадение осадков:

- (15) **Выпади завтра побольше снега, мы бы покатались на лыжах.*

Формы сослагательного наклонения, в отличие от псевдо-императивов, подобными ограничениями не связаны, поэтому следующее предложение вполне допустимо (в гипотетической интерпретации):

- (16) *Если бы завтра выпало побольше снега, мы бы покатались на лыжах.*

Пример русских псевдо-императивов показывает, что не существует жесткой границы между реальными, гипотетическими и контрфактивными конструкциями. Скорее, каждая имплицативная конструкция занимает определенное положение на некоторой "эпистемической шкале" (о градуированности эпистемического параметра см., например [Comrie 1986; Van der Auwera 1983]). На этой шкале существуют прототипические положения, соответствующие реальным, гипотетическим и контрфактивным конструкциям. Однако конкретные конструкции могут занимать и промежуточное положение, в той или другой мере приближаясь к прототипу. "Чистые" контрфактивы представляют собой прототипический случай, и поэтому, действительно, встречаются достаточно редко, однако, как мы убедились на примере русских конструкций *если бы не х*, они в принципе возможны.

3. ПРЕЗУМПТИВЫ

В этом разделе будет рассмотрен такой способ членения имплицативного пространства, при которой грамматализируется противопоставление между конструк-

циями с прототипически реальным протазисом и конструкциями, в которых протазис имеет любой другой эпистемический статус. Это противопоставление маркируется, например, в японском языке – посредством нефинитной условной формы с аффиксом *-ba*.

Формы, традиционно называемые в японистике условными, или, что более точно, условно-временными (к их числу обычно относят нефинитные формы с аффиксами *-ba* и *-tara* и финитные формы с союзами *nara* и *to*), на деле выражают неспецифицированное имплицативное отношение, поскольку их эпистемический статус может варьироваться (подробнее о синтаксисе и семантике этих форм см. [Akatsuka 1986; Alpatov, Podlesskaya 1995; Hinds, Tawa 1975–1976; Inoue 1983; McCawley 1978; McGloin 1976–1977; Murayama 1988; Takami 1988]). Степень достоверности обозначаемой ситуации выражается, как правило, другими средствами: это могут быть особые наречия, типа *moshi* ‘допустим’, формы предположительного наклонения в аподозисе, специальные аналитические конструкции и т.д. Контрфактивность выражается с помощью противительного союза (*ga*, *keredomo*, *noni* и др.), который помещается сразу после аподозиса (в протазисе может быть любая условная форма):

Условная конструкция

A + маркер условной формы + *B*

‘Если *A*, то *B*’

Контрфактивная конструкция

A + маркер условной формы + *B* + противительный союз

‘Если *A*, то *B*, однако [*A* не имело места]’ $\Rightarrow$ ‘Если бы *A*, тогда бы *B*’

Протазис имплицативной конструкции с формой на *-ba* в вершине может иметь любой темпоративный, фреквентативный и эпистемический статус за исключением одной единственной комбинации признаков – форма на *-ba* не может обозначать реальное, уникальное положение дел в прошлом:

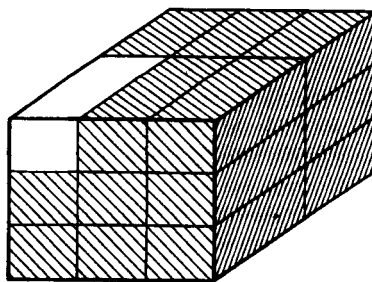

Рис. 4

Ниже приводятся примеры, показывающие, что формы на *-ba* могут вводить протазис как временных, так и условных конструкций. В примере (17) форма на *-ba* обозначает гипотетическую ситуацию:

(17)	<i>Kamera</i>	<i>ga</i>	<i>takakere-ba</i>	<i>kae-masen</i>
	камера	SUBJ ¹	дорогая – COND	смочь . купить –
				ADDR. NEG. PRES

¹ В подстрочных переводах используются следующие сокращения: ADDR – адресив (грамматический способ выражения вежливости к собеседнику); COND – условно-временная форма; DOBJ – прямое дополнение; IOBJ – косвенное дополнение; NF – нефинитная форма; NEG – отрицание; PAST – прошедшее время; PRES – настоящее время; SUBJ – подлежащее; TOP – тематическая частица.

‘Если камера дорогая, я не смогу ее купить [говорящий не знает, дорогая ли камера]’.

В следующих двух примерах форма на *-ba* обозначает реальную ситуацию. В примере (18) это реальная ситуация, регулярно повторявшаяся в прошлом:

- (18) *Ame ga fure-ba yasun-da*
 дождь SUBJ идти – COND отдыхать – PAST
 ‘[Каждый раз] когда шел дождь, мы отдыхали’.

В примере (19) это уникальная ситуация в будущем, про которую говорящий знает, что она при нормальном ходе вещей будет иметь место:

- (19) *natsu ni nare-ba...*
 summer IOBJ come – COND
 ‘Когда настанет лето... [говорящий знает, что лето настанет]’

Единственное, для чего нельзя использовать форму на *-ba* – в отличие от других японских условно-временных форм! – так это для выражения уникального временного отношения между двумя ситуациями, если ситуация, вводимая в протазисе, имела место в прошлом:

- (20) *Kesa wa mado o*
 сегодня. утром TOP окно DOBJ
*ake-tara/akeru to/*akere-ba yuki ga*
 открыть если/когда снег SUBJ
fut-te i-mash-ita
 идти – NF быть – ADDR – PAST
 ‘Сегодня утром, когда я открыл окно, шел снег’.

Часть имплицативного пространства, которая не может маркироваться формой на *-ba* (эта область на Рис. 4 оставлена незаштрихованной), это имплицативные конструкции с прототипически реальным протазисом, т.е. протазисом, обозначающим ситуацию, о которой говорящий знает, что она имела место единственный раз в прошлом. Для этого класса ситуаций я бы предложила термин “презумптивы”. Презумптивы реальны не только с функциональной, но и с чисто логической точки зрения: событие, которое уже произошло, не только становится содержанием субъективного знания говорящего, но также может быть подтверждено или опровергнуто, т.е. верифицировано в терминах истинностных значений.

Итак, с помощью японских форм на *-ba* презумптивы грамматически противопоставлены ситуациям, имеющим любой другой набор эпистемических, темпоративных и фреквентативных характеристик. По существу, формы на *-ba* кодируют неутвердительную модальность, или ирреалис, в широком смысле слова.

В самом деле, во-первых, они кодируют имплицативы с гипотетическим и контрфактивным протазисом, представляющие собой стандартные случаи ирреалиса.

Во-вторых, они кодируют имплицативы с протазисом, обозначающим положение дел в настоящем или будущем, что с логической точки зрения расценивается как ирреалис, поскольку еще не осуществленное положение дел не может верифицироваться в терминах истинностных значений.

И, наконец, в-третьих, они кодируют регулярные имплицативы, которые также могут быть отнесены к ирреалису. Ведь когда мы делаем высказывание типа “Каждый раз когда/если *A* имеет место, *B* также имеет место”, мы неизбежно делаем

обобщение, поскольку такое утверждение не означает, что всякий раз когда *A* имеет место, мы определяем истинностное значение *A* и *B*.

Итак, я попыталась показать, что в японском языке имеется специальное грамматическое средство, позволяющее противопоставить имплицативные конструкции, протазис которых имеет презумптивный статус, и конструкции, в которых реальность протазиса в логическом смысле не верифицируется. Замечу, в заключение, что такой способ членения имплицативного пространства встречается и в европейских языках. Один из примеров обнаруживается в немецком языке, где в имплицативных конструкциях с презумптивным протазисом (обозначающим реальное, единичное положение дел в прошлом) используется придаточное с союзом *als*, а для обозначения уникального положения дел не в прошлом, а также регулярных, гипотетических или контрфактивных положений дел с любым темпоральным статусом – используется придаточное с союзом *wenn*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гладкий А.В. 1982 – О значении союза *если* // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982.
- Дмитровская М.А. 1988 – Знание и достоверность // Арутюнова Н.Д. (ред.) Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Зализняк Анна А. 1985 – Знание как единица семантического языка // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-85". Тезисы докладов и сообщений. М., 1985.
- Зализняк Анна А. 1987 – К проблеме фактивности глаголов пропозициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987.
- Иорданская Л.Н. 1988 – Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // R Ling 1988. V. 12. № 3.
- Левин Ю.И. 1970 – Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13, М., 1970.
- Храковский В.С. 1994 – Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // ВЯ. 1994. № 6.
- Черемисина М.И. 1987 – Сложное предложение как объект общего языкознания // Черемисина М.И., Скребнев Ю.М. и др. (ред.) Предикативность и полипредикативность. Челябинск, 1987.
- Akatsuka Noriko 1986 – Conditionals are discourse-bound // On conditionals / Ed. by E. C. Tragott, A. ter Meulen, J.S. Reilly, Ch.A. Ferguson Cambridge, 1986.
- Alpatov V.M., Podlesskaya V.I. 1995 – Converbs in Japanese // Converbs (adverbial participles, gerunds) in cross-linguistic perspective. Empirical approaches to language typology / Ed. by M. Haspelmath, E. König. B., 1995.
- Baker A.J. 1956 – Pressupposition and types of clauses // Mind 1956. V. LXV. № 259.
- Bybee J., Fleischman S. 1995 – Modality in Grammar and discourse / Ed. by J. Bybee, E. Fleischman. Amsterdam, 1995.
- Comrie B. 1985 – Tense. Cambridge, 1985.
- Comrie B. 1986 – Conditionals: a typology // On conditionals / Ed. by E.C. Tragott, A. ter Meulen, J.S. Reilly, Ch.A. Ferguson. Cambridge, 1986.
- Givón T. 1994 – Irrealis and the sunjunctive // Studies in language, 1994. V. 18. № 2.
- Hinds J., Tawa Wako 1975–1976 – Conditions on conditionals in Japanese // Papers in Japanese linguistics. 1975–1976. № 4.
- Inoue Kyoko 1983 – An analysis of a cleft conditional in Japanese – where grammar meets rhetoric // Journal of pragmatics. 1983. № 7.
- König E., Van der Auwera J. 1988 – Clause integration in German and Dutch conditionals, concessive conditionals and concessives // Clause combining in grammar and discourse / Ed. by J. Haiman, S.A. Thompson. Amsterdam, 1988.
- McCawley N. 1978 – Another look at *no*, *koto* and *to* // Problems in Japanese syntax and semantics / Ed. by J. Hinds, I. Howard. Tokyo, 1978.
- McGloin Naomi Hanaoka 1976–1977 – The speaker's attitude and the conditionals *to*, *tara* and *ba* // Papers in Japanese linguistics. 1976–1977. № 5.
- Myrayma Yasuo 1988 – The condition and the use of the conditionals *to*, *tara* and *ba* // Papers in Japanese linguistics. 1988. № 10.
- Takami Ken-ichi 1988 – The syntax of *if*-clauses: three types of *if*-clauses and $\tilde{X}$ -theory // Lingua. 1988. № 74.
- Van der Auwera J. 1983 – Conditionals and antecedent possibilities // Journal of pragmatics. 1983. № 7.